

Николай Гладков

Человек Шатун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Гладков

Человек Шатун

«Автор»

2026

Гладков Н. А.

Человек Шатун / Н. А. Гладков — «Автор», 2026

Что остаётся человеку, когда исчезают все? Вспышки, рождающие невыносимый страх, забрали почти всех. Остался Витя. Год одиночества. Год разговоров с мёртвыми. Год, который почти досуха выжег его разум. Он уже не ищет людей. Он живёт среди пустых улиц, мёртвых домов и воспоминаний, которые не отпускают. Он — шатун. Тот, кто не уснул, когда все легли навсегда. Но однажды тишина нарушается. И Витя понимает: надежда может быть страшнее отчаяния.

© Гладков Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - "Шатун"	5
Глава 2 - "Вечер с Тенью"	11
Глава 3 - "Прощение огнём"	14
Глава 4 - " Последний звонок"	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Гладков

Человек Шатун

Глава 1 - "Шатун"

Витя сидел на крыше девятиэтажки, свесив уставшие ноги вниз, и смотрел на спящий город. Лучи закатного солнца ласково касались его обросшего лица, а летний ветер трепал сальные волосы. Вид был прекрасен. Закат случался каждый день, но наслаждаться им не надоело. Всегда как в первый раз. И всегда — один. Ну, как один...

— Знаешь, что самое смешное? — спросил он вслух.

Ответа не последовало. Он его и не ждал. Поднял глаза к небу. Небо стремительно серело, будто старый телевизор, который медленно гаснет.

— А я тебе скажу, что меня рассмешило, — усмехнулся он сам себе. — Я всю жизнь мечтал, чтобы меня оставили в покое. Чтобы не было этих дурацких разговоров, которые были для меня ни о чём и так сильно меня напрягали. Чтобы не было всех этих дурацких людей, которые смотрели на меня как на блаженного, как на ошибку природы. И вот, пожалуйста, — моя мечта сбылась.

Он сплюнул вниз и проследил, как слюна исчезает в ржавых кустах.

— Прости, я соврал. Точнее... Боже, нет, всё так. Я действительно этого хотел. Но до этого я хотел, ты не поверишь, чтобы появились люди. Или хотя бы один человек, который бы понял меня. Которого я сам бы смог понять. Чтобы, знаешь, на одной блядской волне были. Чтобы душа в душу. Но это невозможно. Теперь уже точно невозможно.

Он вытер подступившую слезу и продолжил:

— А теперь я понял, что такое физическое одиночество. Одиночество — это не когда ты один в комнате. Нет. Одиночество — это когда тебя нет ни в чьей голове. Ни в чьей. Никто, ни одна последняя блядь о тебе не думает. Никто не помнит и не вспомнит. Ты как бы есть, но тебя не существует.

Витя оценивающе посмотрел на своего собеседника и сказал:

— Вот я тебя вижу, думаю о тебе, говорю с тобой. Можно ли сказать, что ты существуешь? Наверное, да.

Он закрыл глаза. В груди сильно защемило, в голове взорвалась петарда боли, а в душе зашевелилось то самое чувство — предвестник вспышки.

— Эй! — громко позвал он тишину. — Если там кто-то есть... хоть кто-то, умоляю, ответь мне!

Ответом на его крик был только завывающий ветер, пахнувший пылью, старыми вещами и ужасным запахом его собеседника.

Витя посмотрел вокруг. Ночь уже накрыла город. Ни в одном окне не загорелся свет. Ни одна машина не ехала по дороге. Город был мёртв. Как и его собеседник.

Витя посмотрел на давно разлагающийся труп, перекрестился и сказал:

— Ты уж прости, друг. Идти мне надо. И не серчай на меня из-за того, что оставляю тебя одного. Знаешь, врать не буду: я тебя забуду, и ты тоже перестанешь существовать.

Он поднял свой рюкзак, вновь с надеждой посмотрел на город, тяжело вздохнул и пошёл дальше.

— Ну и ладно, — прошептал Витя. — Подождём.

Витя долго спускался вниз. На каждом шагу его встречали следы хаоса первых вспышек: побитая, исцарапанная дверь, иссохший труп с ножом в горле, наспех брошенные вещи, кошачья переноска с мумией внутри.

Он не хотел признаваться себе, но ему нравилось придумывать истории из артефактов, которые он находил то тут, то там. Он осторожно потянул ручку двери, и та легко подалась. Заглянув внутрь, он увидел два маленьких трупика, крепко обнявших друг друга. Витя закрыл дверь и, оглядев всё вокруг, тяжело вздохнул:

— Здравствуйте, друзья. Вы уж простите мне моё любопытство. Развлечений у меня теперь почти нет, маюсь потихоньку, потому не сердчайте. Позвольте понять, что здесь вышло.

Он закрыл глаза. И увидел, как женщина выбегает из квартиры, таща вещи и переноску. Она кричит на детей, торопит. Дверь захлопывается. Переноска падает. Женщина бросается к двери, бьёт по ней, скребёт ногтями, умоляет открыть. Она уже не понимала, что творит. В бреду, вызванном вспышкой, она и не могла ничего понять. Витя много раз видел это: глаза выдавливаются от давления, сосуды на лице наливаются кровью и лопаются, человек начинает дико выть от боли и отчаяния.

Женщина в бреду не догадалась просто дёрнуть ручку. Она слышала, как кричат её дети, и это окончательно свело её с ума. Она маниакально вытряхнула всё из сумок, нашла нож, схватилась за него дрожащими от судороги руками и разрезала себе горло.

А кошка... кошка умерла от голода. Животные, как существа попроще, начали умирать от вспышек значительно позже.

Витя покачал головой. Раньше подобные картины вбивали в него бесконечную тоску и даже страх. А теперь — просто трупы со своими историями.

Он стоял, прислонившись спиной к холодной стене, и слушал, как где-то над головой монотонно капает вода. Звук был ровный, почти убаюкивающий, но в мёртвой тишине подъезда он казался чужим, как метроном, отсчитывающий чьё-то опоздание. Уже навсегда.

Он не стал заходить в квартиру, чтобы собрать припасы. Не потому что боялся или брезговал. Просто история была закончена, и он был в ней лишним. Витя понял её до конца — до самой последней секунды, до предсмертного хрипа женщины, до стука крови о кафель, до того, как мяуканье перестало доноситься из переноски.

Он поправил ляжку старого рюкзака, висевшего на одном плече, и двинулся дальше.

На площадке третьего этажа Витя остановился. Одна дверь была приоткрыта, из неё тянуло пылью и старой аптекой. Он заглянул внутрь, но заходить не стал. На полу лежал труп, уже непонятно какого пола и возраста. Но разбитая рамка с фотографией на стене подсказала: перед ним — чья-то бабушка. Стекло в рамке блестело в полумраке, отражая лунный свет.

— И тебе не повезло, — тихо произнёс он.

Подождал. Словно ждал ответа.

В ответ — только шелест ветра за открытым окном.

Витя пошёл дальше.

Улица встретила его серым небом с редкими разрывами туч. Он выбрался через тяжёлую дверь, придерживая её, чтобы не хлопнула громко. Он до сих пор боялся нападения одичавших собак. На улице ему нравилось больше всего. Здесь он мог притвориться, будто ничего не случилось и он просто поздно возвращается домой. На крыше было тяжело: видеть город целиком — тихий, недвижимый, как муравейник, из которого ушёл весь звук. Но только так он мог увидеть хоть какие-то намёки на жизнь. Сегодня ему не повезло, и потому Витя решил пойти домой.

Он сел на выцветшую скамейку, вытащил из кармана смятую пачку сигарет. Осталось три. Три — это хорошо. Можно растянуть. Да и Бог любит троицу.

Витя прикурил, выпустил дым в безразличное небо и, глядя на застывшие навек краны далёкой стройки, сказал:

— Почему я тоже не могу раствориться, как этот дым?

Вдруг в голове снова взорвалась боль. В глазах потемнело, и Витя скатился со скамейки вниз. Всё его тело кричало об опасности. Его скрутило от спазма, бесконечный животный страх

пробил в душе целый фонтан ужасных эмоций. Каждую секунду, растянувшуюся в целую вечность, он боролся за то, чтобы просто дышать. Он слышал, будто со стороны, как скребёт ногтями по бетону. Это продолжалось очень долго. Сердце в груди готово было вот-вот лопнуть. И вдруг всё закончилось. Он будто вынырнул из ледяной реки напрямик в тёплую ванну. Он снова мог дышать без перевозможания.

Витя попытался подняться, но тут же его стошнило всем, чем он питался за день. То есть почти ничем.

— Скоро будет вспышка, блядь, — прохрипел он. — Каждый раз непонятно, когда. Как же это надоело, Боже...

Он вытер рот рукой.

— Надо идти. Иначе крысы сожрут, пока буду валяться в отключке.

Витя, пошатываясь, встал на ноги, поднял свой старый рюкзак и пошёл домой. Он не включал фонарик: все эти улицы он мог бы пройти с закрытыми глазами, да и луна достаточно ярко светила сквозь неплотную завесу туч.

Идя по улицам, он старался не смотреть на попавшие в аварию автомобили. Отворачиваясь, когда видел очередной гниющий труп, или истлевшую мумию. Историю каждого он уже представлял раньше. И у всех она была почти одинаковой: первая вспышка застала их на улице.

— Понедельник всё же действительно оказался худшим днём в вашей неделе.

Он издал тихий смешок и резко замолчал. Иногда ему было совестно так шутить.

Он брёл по этим улицам уже тридцать два года. Знал всё наизусть: каждую трещинку в фасаде каждого дома, все балконы, эти вульгарно обставленные дворы, обрезанные почти до пней деревья, покосившиеся столбы электропередач, гниющие гаражи и, конечно, каждый закуток, которым он обычно ходил. Тогда, до вспышек, это был его излюбленный маршрут — шанс нарваться на людей был минимальный.

Он усмехнулся. Эта ирония не ускользала от него в последнее время. Ведь теперь он, наоборот, ищет людей.

Озвучив эту мысль, он остановился и посмотрел вокруг. Безжизненные окна смотрели на него с каким-то раздражением. Будто бы он лишний. А он и вправду был лишним. Тогда был. И теперь остался.

Глядя на эти советские панельки, нелепо покрытые кусочками плит, на разрушенные подъездные козырьки, на разноцветные, нелепо выглядевшие балконы, Витя понял, как сильно тоскует по жизни, которая кипела в этом крошащемся бетоне. Пускай он был лишним. Но он был живым. Как и те люди, что жили свои нелепые жизни в этих нелепых домах. Это роднило его с ними. Для них он был призраком. Теперь призраками стали они. И Витя стал по-настоящему одиноким.

И нет ему больше места в этих домах. Нет, не в домах — в склепах. Ведь он всё ещё живой.

— Будьте вы все прокляты! — в сердцах крикнул Витя. — Чтоб вы все были прокляты!

Он сплюнул на асфальт вязкой слюной и схватился за голову. Боль вновь усиливалась. Нужно было спешить домой.

Перед глазами возник образ: парализованное тело, которое грызла стая голодных собак. Витю передёрнуло. Он помнил этот день. Помнил слишком хорошо. И ничего не мог изменить.

Он крепче схватил рюкзак и ускорил шаг. Бежать смысла не было. Вдруг вспышка начнётся прямо сейчас, и он упадёт со всей скоростью головой об асфальт.

Для существа, которое всю жизнь не хотело существовать, Витя, на своё удивление, очень боялся умереть. А ещё он верил, что раз уж он выжил, значит, выжил кто-то ещё. Эта надежда была его единственной опорой в этом новом ужасном мире.

Витя подходил к своему дому. Не к убежищу, а к настоящему дому, в котором жил так много лет. Он искренне ненавидел этот дом. Даже боялся его. Но это всё, что у него осталось.

— Здравствуй, дом. Блудный сын вернулся! Не переживай, без гостей!

Он оглядел свою «усадьбу» — двухэтажный многоквартирный дом. Квартира в нём досталась семье от покойного деда. Тот был работником железнодорожной станции, такие работники и жили в этом общежитии. После девяностых оно превратилось в многоквартирный дом, населённый поломанными людьми без работы.

Витю всегда удивляло, как этот дом до сих пор стоит. Кирпичи превратились в труху, деревянная крыша во многих местах дала течь, отчего потолки верхних квартир походили на детский матрас. Узенькие балкончики давно обвалились, и теперь, проходя мимо, ты ловил на себе взгляды неуместных дверей. Про подвал и говорить не стоило: теперь это был огромный бассейн с болотной водой, из которой чуть ли не ежедневно вылуплялись миллиарды злых комаров.

Витя вздохнул. Он никогда не любил сюда возвращаться. Что заставляет его жить здесь — загадка чёрной дыры. Но дом есть дом.

Замедлив шаг, он подошёл к двери в подъезд. Только потянул руку к ручке, как вдруг услышал голос:

— Обернись.

Витя тут же обернулся. Но прежде чем он успел повернуть голову, услышал свист колёс. Машина резко затормозила — но поздно. Она сбила кого-то. Возле ног Вити упала оторванная детская рука.

Атомная бомба взорвалась в его голове. От резкой сильной боли он схватился за голову и с грохотом рухнул на колени. Глаза готовы были вылезти из орбит. Кажется, он прикусил язык. Дыхание остановилось, и Витя вскоре провалился в беспамятство.

Он упал на спину. Боли не было — лишь лёгкая обида. Яркое солнце ударило в глаза. Витя услышал детский смех. Это была Юля, его сестра. Малышка на два года младше.

— Вставай, Витя, ты ведь замёрзнешь. Ты не сильно ударился? Прости-и-и, я просто хотела тебя напугать!

Её голос быстро уходил от смеха к слезам. Витя знал: нужно срочно её успокоить, иначе родители услышат, и ему несдобровать. Они очень любили её. Всё-таки это их первый ребёнок.

Витя быстро вскочил на ноги, обнял сестру и сказал:

— Ха-ха-ха, всё хорошо, малышка. Всё в порядке. Ты меня так напугала, что от страха я упал, а не потому, что ты меня толкнула. Мне совсем не больно. Я ведь мальчик, а мы очень сильные!

— Правда не больно? — На её лице читалось сильное удивление.

— А то! Совсем-совсем! — соврал он.

Витя аккуратно взъерошил её волосы, чтобы не испортить материн труд.

— Витя, а давай поиграем в «Колю»?

— Ой, ну может, мы с тобой штаб построим? Ты обещала помочь ещё несколько дней назад. Саша мне как раз подарил коробку из-под их нового телевизора.

— Большую коробку? Большую-прибольшую?

— Очень большую, малышка. Ты можешь залезть в неё целиком, и никто тебя не найдёт.

— Здорово! Я согласна. Но давай немного поиграем в догонялки? — с хитрецей спросила она.

Витя вздохнул:

— Ай, ладно. Сыграем. Но водишь ты!

— Нет, ты старше, давай ты первый!

— Сестрёнка, я и так пошёл на уступки. Фигушки, ты водишь.

— Хорошо. Считаю до десяти.

— А ты умеешь?

— В школе мы уже считали до ста! Я очень умная! — оскорбилась она.

— Ха-ха, хорошо. Ты и вправду умная девочка. Начинай считать.

Сестра отвернулась и громко, почти не запинаясь, досчитала до десяти, а затем бросилась догонять любимого брата.

Сначала Витя не поддавался. Она усердно семенила за ним своими маленькими шажками, но с каждой минутой было видно, что она устаёт, а негодование всё больше её злит. Витя искренне любил её и потому всё-таки поддался. Запнувшись, он аккуратно упал на потрескавшийся асфальт.

Она быстро догнала его и сказала:

— Вот и попался! Наконец-то! Хорошо, что ты такой неуклюжий. Теперь ты водишь!

Она засмеялась и побежала вперёд, к дороге.

Витя даже не успел подняться, когда она споткнулась и упала на дорогу. На дорогу, по которой на всех парах мчалась тонированная «Волга». Витя закричал, но голос будто был не его.

Водитель не заметил лежавшую на асфальте маленькую девочку, которая почти поднялась перед самым бампером.

Раздался звук, не громкий, будто уронили большой мешок муки. Тело отлетело, как тряпичная кукла. Только одна туфелька осталась лежать там, где только что стояла его сестра.

Машина не остановилась. Умчалась дальше.

Витя закричал ещё громче и бросился туда, где упала сестра. Он с трудом нашёл её возле кустов, метрах в двадцати от места удара. Витя не знал, но уже чувствовал: его сестра мертва. Даже детский мозг понял, что так живой человек выглядеть не может. Кровь вытекала из неё, собираясь в большую лужу. Крик застрял в горле. Слёзы полились сами собой, как по команде.

Витя не мог дышать. Он стоял над ней и не знал, что делать. Его парализовало от страха. Он не знал, сколько прошло времени. Минуту, две, а может, и час.

Кажется, кто-то был возле него. Кажется, это была его приёмная мать.

Из ступора его вывел сильный удар ногой в грудь. Он отлетел на пару метров, свернулся калачиком и зарыдал ещё сильнее. Приёмный отец впервые ударил его так. Но Витя плакал не из-за этого. Он плакал, потому что принял: именно он виноват в её смерти.

Отец поступил правильно.

Но Витя считал, что лучше бы убили его. Он не мог выдержать замогильные завывания матери. Не мог выдержать осознание того, что сестра умерла по его вине. Ещё страшнее было от того, что ему было страшно жить дальше в мире, который в одно мгновение превратился в ад.

После смерти сестры в Витином доме поселилась тишина. Она ела с ними, спала с ними, дышала в затылок. Как и его сестра, чьи глаза осуждающе смотрели с бесчисленных фотографий — со стен, со столов, из глаз родителей.

На похоронах все родственники держались поодаль от Вити, будто он был проклят. И он действительно был проклят — в тот самый день, когда позволил сестре умереть.

После похорон он подождал, когда родители зайдут в подъезд, а сам упал на землю, обхватил голову руками и зарыдал.

Витя не заметил, как очнулся. Впервые за долгое время он рыдал не от боли, вызванной вспышкой, и не от страха. Он рыдал, как в детстве, — от одиночества.

— Прости меня, Юля. Я не хотел, чтобы так получилось. Я скучаю по тебе, малышка.

— Встань с земли, простудишься, глупый, — раздался чей-то голос возле правого уха.

Витя резко вскочил. В глазах сильно потемнело, он склонился, и его снова стошнило. Витя вытер рот рукой, выпрямился, огляделся по сторонам. Никого не было.

— Ебучий твой рот, — прошипел сквозь зубы Витя. — Блядь! Блядь! Ненавижу! Всё это ненавижу! Твари проклятые, творцы хуевы!

Он кричал благим матом что есть сил. Не верил, что кто-то услышит, но надеялся. Снова огляделся. Нет, никого рядом не было. Да и не могло быть. После вспышки люди либо умирали в безумии, либо ещё какое-то время лежали парализованными. Они были в сознании — насколько Витя мог судить. А вот безумны ли — непонятно.

— Чёрт, я только что был... в детстве? Я видел её. Какого хуя произошло? Нет, раньше такого не было. Страх — да. Галлюцинации, обрывки воспоминаний. А сейчас я будто заново пережил тот день. Всё было так реально.

Витя протёр глаза, затем осмотрел то самое место на дороге, где сбили его сестру. Повинуясь спонтанному желанию, он неуверенно зашагал к тому месту. Для всех это был обычный участок дороги — разве что на удивление ровный, без ям. Но для Вити это был Рубикон. И он перешёл его не по своей воле.

Витя вдохнул холодный воздух.

— А ведь эту мразь тогда нашли. Но его "братья" в суде всё порешала. Ха. Наверное, во вспышках есть один плюс: эта тварь точно должна была уже сдохнуть.

В груди кольнуло. Он всё ещё пытался верить, что хоть кто-то выжил. Что есть подобные ему. Но совсем не хотел, чтобы тем выжившим оказался тот ублюдок. Убийца его сестры не должен быть таким же, как он.

Он уже собирался пойти в дом, как на секунду почувствовал на себе чей-то взгляд. Оттуда, где до сих пор рос куст, возле которого он обнаружил тело сестры. Витю покрыло мурашками, но он не стал оборачиваться. Он очень боялся увидеть там её призрака.

— Боже, милостив буди мне, грешному! — прошептал Витя, перекрестившись.

Он побежал к подъездной двери, рывком открыл её и быстро захлопнул, не оборачиваясь. В нос ударил затхлый запах подъезда. Такой знакомый, но совсем не родной. Витя жил на первом этаже, но в детстве эта убогая лестница с прогнившими перилами, сваренными будто бы из арматуры, казалась ему очень длинной. Он никогда не спешил заходить в квартиру и потому выучил каждый скол на ступенях. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Он хотел поскорее забыть то, что только что пережил.

Поднявшись, он огляделся. Ничего не поменялось. Никто не заходил. Он специально повсюду на дверях скрытно насовал спички, чтобы было видно, открывали их или нет.

Посмотрев на свою дверь пару секунд, он потянул руку, чтобы постучать.

— Чёртовы привычки, — буркнул он.

Витя достал ключ и открыл дверь. Квартира встретила его темнотой, гробовой тишиной и лёгким эхом маминых духов. За столько лет стены пропитались ими.

Электричество пропало относительно давно. Выжившие после первых вспышек ещё пытались кое-как наладить быт, но быстро бросили эту затею, когда поняли: выжить не удастся. Витя тоже так поступил и долгое время ждал, когда вспышка заберёт и его. Но время шло, и ему стало совсем скучно.

— Я дома! — громко сказал он.

Ответа не было. И это обрадовало Витю.

Глава 2 - "Вечер с Тенью"

Витя запер дверь. Четыре оборота. Накинул цепочку. Потом постоял, прижавшись лбом к холодному дереву, и выдохнул так, будто тащил на спине невидимый, но очень тяжёлый груз.

— Ну вот и всё, — прошептал он. — Дошёл.

Квартира молчала. Только створка окна еле слышно скрипнула, словно здороваясь с ним.

Он и не думал зажигать свет — электричества всё равно не было. Выжившие после первых вспышек, конечно, ещё пытались наладить быт и восстановить подачу электроэнергии. Но желающие либо погибали из-за новых вспышек, либо теряли надежду и запирались в себе. Многие не видели смысла делать хоть что-то. Некоторые сходили с ума.

Витя пошарил рукой на тумбочке, нашёл керосиновую лампу и упаковку спичек. Сера вспыхнула с тихим шипением, лампа быстро разгорелась, и по стенам метнулись длинные тени. Комната проступила из мрака, как ужасная морда сома из воды: старая мебель, ковёр с вычурным рисунком, полка с книгами, которые уже никто не прочитает. Раньше квартира казалась ему тесноватой. После ухода отца стало полегче. А теперь она казалась просто огромной.

Витя прошёл в центр гостиной, поставил лампу на стол, повесил рюкзак на спинку стула, снял куртку. Пахло пылью, гарью и чем-то ещё — видимо, взорвалась банка маминых маринованных огурцов.

Он достал из рюкзака бутылку рома, плеснул немного в кружку, сделал глоток и сильно сморщился. Ром был тёплый, с привкусом старой бумаги.

— М-да. Наверное, больше, чем по людям, я скучаю по работающему холодильнику. Кто же знал, что тёплый алкоголь на вкус — как тёплая моча.

Он вытащил банку тушёной конины и пару банок колы. Это было немного, но хороший вечер ему обеспечен.

— За встречу, — сказал он сам себе и поднял кружку.

Тень на стене подняла руку в ответ, и Витя улыбнулся ей.

— О, привет, мой любимый собутыльник!

Он открыл ножом консерву, наколот кусочек конины и протянул в сторону тени.

— Будешь? Нет? Привереда.

Витя быстро приговорил банку, отхлебнул колы, затем до дна осушил кружку.

— Вот за это я тебя и люблю: ты не ешь, а я не люблю делиться.

Он налил ещё рома.

— За нас, идеальную команду!

Снова осушил.

— Единственный твой минус — ты крайне паршивый собеседник. Без обид.

Он достал из кармана пачку сигарет. Осталось две. Одна с надломленным фильтром, вторая — серая от табачной пыли.

— Слушай-ка, а ты не хочешь сгонять в магазин? У меня сигареты заканчиваются, а бутылка ещё достаточно большая... Молчи, молчи, помощник хренов.

Витя закурил, вновь наполнил кружку и выпил всё одним глотком. Его быстро накрыло: он был сильно измотан, а желудок почти пуст.

Он стряхнул пепел на пол и внимательно посмотрел на стену. Обои потёртые, грязные, а кое-где остались их с сестрой рисунки. Портреты семьи он снял, чтобы не мозолили глаза своим безмолвным осуждением.

Витя затанулся и спросил:

— Хочешь услышать, как прошёл мой прекрасный день?

Витя звонко засмеялся. Затанулся, выдохнул, снова затанулся и на выдохе продолжил:

— Помнишь, я рассказывал про того парня, которого встретил на крыше неделю назад?

Тень покачала головой.

— Я издалека заметил его. На крыше одной девятиэтажки. Живого!

Витя налил полкружки, вытряхнул внутрь пепел, выпил.

— На мои крики он не отвечал. Оно понятно почему — он стоял на самом краю. Я много раз видел подобное...

Он помолчал, глядя в тёмный угол, где дрожал свет керосиновой лампы.

— Я побежал его остановить. Я и так редко встречал людей за последнее время, а тут шанс. Вдруг она... то есть он — такой же, как я?

Тень налила себе и тоже выпила. Витя усмехнулся.

— Бегу я, значит, ничего перед собой не вижу. От эмоций всё внутри съёжилось. Ха-ха. Хочешь верь, хочешь нет, но я эти девять этажей проскочил чуть ли не в три шага.

Он выкинул бычок под стол, налил полную кружку и за раз всё выпил.

— Ну и выбегаю я к нему — и да, стоит живой человек. Парнишка лет, наверное, двадцати.

Тень медленно повернула голову, будто глядя в сторону окна. Витя поймал себя на том, что ждёт от неё вопроса.

Витя почесал нос. Тень нетерпеливо кивнула.

— Ага. Стоит спиной. Видно, готовится прыгнуть.

Тень достала сигарету и нервно закурила. Витя снова стряхнул пепел в кружку.

— Худой был. Видно, давно на себя болт положил. Одежда неухоженная. Явно из тех, кто долго ждал конца, а потом задолбался ждать и взял всё в свои руки. Ха-ха.

Плечи Тени задрожали — она поняла шутку. Подняла стакан, и они вместе с Витей высушили всё до конца. Тень покрутила стаканом и вопросительно посмотрела на Витю.

— Да дай дорассказать, не переживай. У нас ещё остались мамины запасы водки.

Тень одобрительно махнула рукой, и Витя продолжил:

— Я твёрдо решил его спасти. Не буду врать, не из-за жалости. В тот момент я правда поверил, что он, как и я, не умирает. А значит, у меня появился шанс найти друга. Понимаешь?

Тень театрально посмотрела по сторонам, а затем показала рукой на себя и кивнула Вите.

— Ты — другое дело. Не отвлекай, пожалуйста. Так вот, я аккуратно подхожу к нему и вдруг чувствую: началось. Чёртова вспышка! Я с трудом заставил себя дойти до него — он ведь мог упасть. Схватил его, резко потянул к себе. Смотрю — а на красном лице глаза уже почти вылезли из орбит. Пизда ему пришла. Я отпустил его и вырубился. И перед тем, как моё лицо встретилось с бетоном, подумал: а может, он в приступе и меня замочит?

Тень неодобрительно покачала головой:

— Ты ведь хотел рассказать про свой день?

— Да, точно, хотел, — безучастно ответил Витя.

— Ну и? Что было-то?

— Сегодня я поднялся к нему на крышу, и мы весь день проговорили.

— А он что? — с интересом спросила Тень.

— Да ничего. Гнил себе тихонечко. Ладно, я пойду, достану нам ещё выпить.

Тень удовлетворённо кивнула.

Витя встал на ватные ноги и кое-как дошёл до маминой комнаты. Он не заходил сюда с момента её жуткой смерти. Лампу с собой не взял, поэтому почти ничего не видел. Хорошо, что луна просвечивала сквозь мутное окно.

Он просунул руку в разбитую дверцу серванта, пошарил и уже почти вытянул бутылку водки, как вдруг услышал тяжёлое женское дыхание со стороны кровати матери.

— Пошла ты нахуй, старая сука, — процедил сквозь зубы Витя. — Тебя нет. И гори ты в аду. Это теперь моё. И жизнь теперь моя!

Он вытянул бутылку и, сильно шатаясь, без оглядки пошёл обратно в зал.

Тень ушла, так и не дождавшись его. Лампа догорела.

Витя протёр глаза, посмотрел на бутылку водки и глубоко вздохнул.

— Я не в обиде. Никто не виноват, что моя крыша с каждой вспышкой всё сильнее даёт течь, — печально констатировал он. — Хотя, наверное, мне уже давно пора было сойти с ума.

Он дошёл до стола, смахнул пустую бутылку и кружку, подтащил стол со стулом к окну и сел.

За грязным окном почти ничего не было видно.

— Чёрт, так же хорошо видно, как перспективы в моём будущем.

Витя со второй попытки открыл бутылку водки и сделал большой глоток. Внутренности обожгло дешёвым спиртом.

— Я так устал.

За окном Витя увидел Юлю. Она махала ему детской ручкой, стоя там, где умерла так много лет назад.

— Однажды я уйду из этого проклятого места. Уйду! Хватит с меня.

— Ложись спать, ты сильно измотан, — раздался женский голос над ухом.

Витя кивнул, уронил голову на стол и уснул.

Глава 3 - "Прощение огнём"

Проснулся он с таким чувством, будто кто-то всю ночь забивал ему в виски ржавые гвозди. Он не сразу понял, где находится. С трудом разлепив глаза, сообразил, что лежит на кровати. На своей. Это было странно, потому что засыпал он вчера за столом, уронив голову на руки. Витя не удивился. После такого количества выпитого хорошо, что он вообще помнил своё имя.

Он осторожно повернул голову. В комнате было тихо. Рюкзак валялся на полу. Повсюду — мусор. Пустая бутылка стояла у окна, как немой укор.

— Твою мать, — прошептал он.

Он вспомнил всё. Тень. Сигареты. Разговор. Как наливал ей выпить. Как спрашивал, чего она молчит. И как сам же за неё отвечал.

Стыд поднялся откуда-то из живота, горячий, тошнотворный. Витя сел, обхватил голову руками и застонал. Не столько от боли, сколько от презрения к такой жизни.

— Хороший пример для жизни ты мне дала, мам. Надеюсь, ты довольна.

Витя протёр глаза. Голова болела сильнее, чем после выпивки. Такое существование было невыносимо. Он вздохнул, и его едва не вывернуло от запаха. Как давно он не убирался?

— Ну всё, — сказал он сам себе. — Пора что-то менять. Ещё одна такая ночь — и я начну пускать пену из рта.

Он поднялся. Пошатнулся, ухватился за спинку кровати. В голове шумело, как в пустом колодце.

— Соберись, тряпка. Соберись, сука.

Витя с великим трудом дошёл до ванной. Из раковины пахло мочой. Он брезгливо плюнул в неё и умылся остатками воды. Хоть и холодная, пахнущая ржавчиной, но немного привела в чувство. В зеркало он старался не смотреть. Не хотел ещё больше разочаровываться в себе.

Он вышел из ванной и пошёл в зал. Открыл шкаф, долго смотрел на старые мамины платья. Взял одно. Зачем-то понюхал. И отбросил. Затем взял свои штаны и армейскую футболку. Оделся, похлопал по карманам. Чуда не случилось — заначки сигарет в них не было.

Витя уже начал уборку, как вдруг услышал шипение. Ожила старая рация, которую он таскал в рюкзаке уже полгода.

— Нет, я больше не поведусь на галлюцинации, ясно?

Рация смолкла. Витя равнодушно пожал плечами, взял рюкзак и повесил у входной двери. После чего вернулся к уборке. Через полчаса кропотливой работы он вновь услышал шипение.

— Насрать, — прошептал Витя.

Шипение прекратилось секунд через тридцать. Закончив уборку, Витя заставил себя позавтракать: чёрствы́е галеты и консервированная гречка с тушёным мясом. Он разогрел гречку на газовой горелке, затем поставил маленький чайник. Запах еды и заваренного чая слегка подняли настроение.

— Вот оно — счастье. Приятного мне аппетита!

Витя ел не спеша. Куда ему было спешить? Но вдруг он вновь услышал шипение рации.

— Сука! — крикнул он.

Он схватил край стола и перевернул его.

— Хотите, чтобы я окончательно сошёл с ума, да? Хотите меня довести? У вас хорошо получается!

Витя быстро дошёл до рюкзака, со злостью раскрыл его, вытащил рацию, а рюкзак швырнул на пол. Нажал на кнопку.

— Что вам от меня надо?!

Некоторое время было тихо, и Витя уже хотел разбить рацию об пол, как вдруг услышал:

— Меня кто-то слышит? — сквозь помехи раздался женский голос.

У Вити громко ударило сердце, после чего оно совсем перестало биться. Он снова нажал на кнопку и тихо, с болезненной мольбой спросил:

— Вы живы? Я вас слышу! Слышу вас! Я живой, меня зовут Витя!

— Плох... шу ва... Меня слы... Приём?

Помехи становились громче, а голос тише.

— Слышу вас! Я ВАС СЛЫШУ! — закричал Витя. — Приём! Где вы?

— Не... шу... я н... у... сь в... пшшшш...

Помехи окончательно перекрыли голос.

— Чёрт! Чёрт! Я слышу, ответьте! Где вы?!

Ответа не последовало. Витя опять едва не разбил рацию со злости, но резко остановился. Только сейчас до него дошла мысль: он не один.

— Господи, неужели? Надо найти высокое место, чтобы сигнал добил до меня. Чёрт, так, думай... Хм. Самое ближнее — школа! Господи! Я не один!

Витя рывком поднял рюкзак с пола и пулей вылетел в прихожую. Времени было мало. Вдруг человек так далеко, что, задержись Витя надолго, он уйдёт дальше, и они уже никогда не свяжутся.

Вите пришло в голову, что впервые за долгое время у него появилась цель. Он остановился и посмотрел вокруг. И ещё одна мысль поразила его до глубины души. Витя больше не хотел возвращаться сюда. Никогда.

Он кивнул сам себе.

— Что бы ни произошло, я лучше сдохну где-то, чем медленно сойду с ума здесь. Гори оно всё огнём.

Витя собрал остатки консервов и воды в рюкзак. Проверил, что внутри по-прежнему лежит армейский нож, жгуты и простенькая аптечка. За запасы он никогда не переживал: полки магазинов и аптек почти везде остались нетронутыми.

Он забрал спички со стола в карман. Снял икону из угла и положил в рюкзак.

— Святителю отче Николае, моли Бога о нас! — быстро прошептал Витя.

Он подошёл к шкафу, выбрал папину охотничью куртку и надел её. Выбрал из-за того, что за окном начиналась осень, да и карманов было хоть завались. Но он никогда не признается себе, что просто хотел оставить что-то от него.

Витя уже пошёл на кухню, но вдруг остановился. Подумал. Подошёл к тумбе, взял семейную фотографию, оторвал часть с Юлей и после секунды раздумий сунул в нагрудный карман.

Он ещё раз всё проверил, забрал последнюю сигарету из пачки, затем обулся и пошёл на кухню. Последнее, что он сделал: достал из шкафчика спички.

Витя прошёл в мамину комнату, презрительно посмотрел на её кровать, затем забрал ещё одну бутылку водки из серванта и вышел в зал.

— Я сюда не вернусь. Хватит с меня этих стен. Хватит маминого запаха. Хватит тени.

Он постоял в дверях. Квартира молчала. Она будто знала, что он задумал. И ждала.

— Я не был виноват в Юлиной смерти. И не был виноват в том, что не стал вам настоящим сыном. Вы были хорошими людьми, мам. И я даже понимаю тебя, отец. Понимаю, почему ты ушёл. Но вы были ужасными родителями.

Витя вылил водку на занавески и диван.

— Прощай, дом, — сказал он.

Чиркнула спичка. Занавеска вспыхнула жадно, как сухой бурьян. Витя не стал дожидаться, пока огонь наберёт силу. Развернулся и вышел. Дверь закрыл на четыре оборота. Ключ сунул в карман.

Изнутри потянуло дымом. Послышался треск. И в этом треске он слышал голоса.

— Витя, вернись... — кажется, мать.

— Живо домой... — или отец.

— Ты больше не хочешь играть со мной? — а это, кажется, Юля.

Он сжал зубы. Перед глазами поплыло. С нечеловеческим усилием он взял себя в руки, и наваждение исчезло. Он заставил себя шагнуть вперёд, на лестницу.

— Я есть, — сказал он в темноту. — А вот вас нет.

Дым шёл за ним, как преданный зверь. Витя не оборачивался.

На улице он отошёл на другую сторону и посмотрел на окна. Огонь уже плясал в бывшей комнате. Чёрный дым валил из форточки, как будто адский поезд запустил свой котёл.

Витя смотрел. Ему было страшно, горько и почему-то легко.

— Вот и всё, — прошептал он. — Теперь точно всё.

Он развернулся и пошёл прочь. Прочь от дома.

Глава 4 - " Последний звонок"

Витя шёл быстро. Впервые за долгое время он не брёл в растерянности, не плёлся, не выбирал привычные закутки, не прятался. Он шагал посередине дороги, не стараясь обходить редкие трупы. В его голове горела одна мысль — у него появилась цель.

А город молчал. Окна мёртвых домов и черепа первых жертв провожали его пустыми, безучастными взглядами. Где-то вдалеке хлопнула дверь — ровно один раз, как выстрел. И именно этот звук вывел Витю из транса.

Рация лежала в кармане. Он сжимал её на ходу, боясь, что голос вернётся и исчезнет прежде, чем он успеет ответить.

— Только бы не опоздать, — шептал он. — Только бы успеть.

Он не смотрел по сторонам. Почти. Лишь раз остановился — у перекрёстка, где раньше был хлебный киоск, где работала его мама. Витрина разбита, внутри темнота. Рядом на асфальте валялись детские останки. Витя безучастно перешагнул через них и пошёл дальше.

Школа появилась неожиданно, как всегда. Сначала — старые, теперь уже спиленные под корень тополя. Потом ржавая ограда с проломами. А за ней — серое п-образное здание с мутными от пыли окнами.

Витя остановился у ворот.

— Ненавижу это место, — тихо сказал он.

Причин было много. Одна — банальная: ему становилось не по себе от вида детских тел. За этот год он привык ко многому. Каких только ужасов не насмотрелся. Но дети — другое дело.

Витя видел, как умирают дети. Вспышка вызывает у них страх такой силы, что маленькие сердца не выдерживают нагрузки. Они безостановочно плачут. Но не громко. Многие жалобно зовут родителей. Пошевелиться не могут — страх сковывает. Помочь им нельзя. Они не реагируют на других. Да и другим не до них: вспышка не щадит никого.

Витя никогда не забудет тот день, когда он по глупости решил сократить путь через территорию детского сада. Оказалось, не все дети погибли при первых вспышках. И даже, третья, что накрыла его прямо возле входа в садик, не погубила всех. Он запретил себе вспоминать этот день и тот трусливый побег от тех, кто остался.

Но всё это было не главной причиной. Главная — он ненавидел каждый день, проведённый в этих стенах.

— Меня слышно? — с надеждой спросил Витя.

В ответ он услышал только помехи.

— Чёрт, всё-таки придётся заходить внутрь.

Школа стояла на единственном холме во всём городе, к тому же была пятиэтажной. Ему должно было хватить высоты. Витя поднял глаза на крышу. На ней стояла сотовая вышка.

— Если не получится на крыше, придётся рискнуть и залезть на эту бандуру. Ха-ха. А ведь ещё за неделю до вспышек запретили ставить вышки на крышах школ. Мне повезло.

Витя ещё раз попытался вызвать того человека, но снова ничего не получилось. Со злости плюнул под ноги и пошёл в школу.

Давно он тут не был. Если точнее — семнадцать лет. И будь его воля, никогда бы не вернулся. Девять лет своей ненавистной жизни он отдал этому проклятому месту. Витя хотел пойти в десятый, но перевестись не получилось. Потому он без церемоний забрал документы, снял копию для колледжа, а оригинал выбросил где-то в квартире, которая к этому моменту уже должна была догорать. Эта мысль заставила Витю слегка улыбнуться.

Улыбка быстро испарилась, когда он наткнулся на первые трупы. От них остались кости, волосы, да местами иссохшая кожа в обёртке из их одежд. Это значило, что они умерли самыми

первыми, ведь после первой вспышки выжившие родители забрали выживших детей, по крайней мере Витя хотел верить, что у выживших родителей были выжившие дети и наоборот.

Трупы лежали сразу за открытой дверью, у металлоискателя.

— Странно. А почему вас даже не попытались увезти? — искренне удивился Витя.

В первую вспышку умерло очень много людей. Насколько Витя помнил ту экстренную передачу, погиб каждый десятый. Одномоментно, в муках ушли почти пятнадцать миллионов человек. И это только в его стране. Вскоре после этого из-за аварий, хаоса и паники погибло ещё около миллиона. Витя тогда зачем-то запоминал эти цифры. Но всё равно выжило достаточно много. Трупы тогда ещё пытались убирать, даже хоронить. А вот их почему-то не тронули.

Витя ещё раз посмотрел на старые трупы. Время поджигало. Каждая секунда могла стоить успеха. Но что-то заставило его остановиться.

— Почему вы тут? — прошептал он.

Он вздохнул.

— Вы, слава Богу, свою историю рассказать мне уже не можете. Но, к сожалению, и спросить вас не получится. Поэтому я сам представляю. Только быстро, я спешу. Я оказался не последним. Возможно, у меня скоро будет встреча с другом.

Витя внимательно изучил трупы. Один — в форме охраны. Двое — девочки лет десяти. Ещё один, скорее всего, парень-старшеклассник.

Охранник лежал на животе. Рука так и осталась сжатой — в ней, будто намертво впаянная, торчала резиновая дубинка. Следы крови ещё виднелись на ней. Череп имел следы трепанации, его височная часть состояла из металлической пластины. Рядом — две маленькие фигурки. Девчонки. Лет десяти, не больше. Их останки были спутаны, будто они до последнего жались друг к другу.

Чуть поодаль, на боку, лежал парень. Витя сразу понял: этот умер не сразу. Его рука так и осталась вытянутой, а в костлявых пальцах блестел перочинный нож. «Бабочка». Лезвие тёмное, в ржавой плёнке.

Витя смотрел, не двигаясь.

Он уже умел читать такие сцены, и теперь ему было понятно, почему их сразу не забрали. Выжившие подумали, что случилось убийство. Посчитали, что охранник сошёл с ума. Но нет, это была вспышка. Витя иногда встречал таких, которые вместо паники и страха впадали в безумие, становясь настоящими берсерками. Витя считал, что это, скорее всего, связано с ПТСР. Он знал нескольких таких берсерков. Знал и этого охранника.

Витя поднял бейджик, аккуратно протёр пластик от пыли и медленно покачал головой.

— Не отпустила вас Чечня, дядь Юр, — грустно произнёс он.

Дядя Юра, сержант из 131-й Майкопской бригады, уже не видел перед собой детей. Он видел иную реальность, которая до того была заперта в его израненной голове. И он бил. Бил, пока девочки не перестали шевелиться. А парень... тот парень, судя по трещинам на костях рук и сломанным рёбрам, умирал, но всё же успел. Подкрался, либо упал рядом, и вогнал нож ему в шею. Сзади. Чтобы наверняка.

Витя сглотнул.

— Вот тебе и долгая счастливая жизнь, — прошептал он.

Он обошёл тела, стараясь не наступить на кости. Одна из девочек лежала с вытянутой к дверям рукой, будто и после смерти просила открыть. Витя отвёл от них взгляд и посмотрел на труп охранника.

— Простите меня, дядя Юра, — тихо сказал он. — Я пока не могу вас похоронить. Но я вернусь, обещаю.

И шагнул внутрь.

Витя помнил все коридоры, лестницы, классы. Ему не нужно было думать над маршрутом. Всё его естество было направлено на одно желание — убратся отсюда как можно скорее. И он бы побежал, если бы не вездесущий хаос. Судя по следам крови на стенах и импровизированным баррикадам, дядю Юру долго не могли остановить.

— Это место стало адом не только для меня одного, — буркнул Витя.

Он грустно покачал головой. Конечно, он ненавидел эту школу и часто представлял себе казни египетские для неё. Но сейчас, глядя на следы ужасного погрома, он вдруг почувствовал... грусть? Всё же в этих стенах работали и хорошие люди. А у самого Вити здесь были подобия друзей и даже первая любовь.

Витя усилием воли отогнал лишние мысли. Быстро взлетел по лестнице на четвёртый этаж. Вход на пятый был завален партами. Пришлось пройти по коридору в соседнее крыло, через учительскую — туда, где работала ненавистная ему тварь. Витя пролетел через коридор, поднялся на пятый этаж, а оттуда, сбив пожарным топором замок, выбрался на крышу.

Свежий воздух приободрил его. Подойдя к краю, он нажал на кнопку.

— Меня слышно? — отчеканил он.

Но ответа не было.

— Меня слышно или нет? Ответьте мне! — прокричал он.

Затем поднёс рацию ближе и прошептал:

— Ждите. Я поднимусь на вышку.

Витя тихо выругался, посмотрел на вышку сотовой связи как на последнюю надежду и решил подняться. Он подошёл к ней, неуверенно схватился, тяжело вздохнул и пополз наверх.

И он бы смог подняться до конца, если бы не стресс, тяжёлое похмелье и нервный срыв, которые скрыли первые признаки надвигающейся вспышки.

Перед глазами Вити поплыло. Резкая, ни с чем не сравнимая боль ударила в мозг. Волна паники и страха за секунду прокатилась по телу. Но на этот раз — не только из-за вспышки.

Витя посмотрел вниз. Метра четыре-пять. Хватка начала ослабевать, но он не стал спускаться. Наоборот, попытался лезть вверх.

— Может, на этот раз у меня получится, — сквозь сжатые зубы процедил он.

Новая вспышка боли ударила по нему, тело свело судорогой. Витя непроизвольно закрыл глаза и отдался воле случая.

Открыть глаза он боялся.

Его пинали уже несколько минут. Витя думал притвориться, что потерял сознание, но молчание только раззадорило обидчиков. Жертва не зовёт на помощь и не привлекает внимания — для них это приятный бонус.

Всё это длилось вечно, пока он, сквозь контузию, не услышал, как в него начали плевать. Затем ещё пара ударов — и всё закончилось. Им надоело его бить.

Витя почти потерял сознание, как вдруг почувствовал, что руки схватили его и начали поднимать. Витя понимал: он не смог бы выдержать очередную порцию побоев.

— Пожалуйста, перестаньте. Я уже не могу. Заберите все мои вещи, я уйду из школы, только перестаньте. Я же умру, — залепетал разбитыми губами Витя.

Ударов не последовало, и Витя от удивления открыл глаза, но из-за крови ничего не мог разглядеть.

— Сынок, скажи мне, кто это тебя так? — услышал он знакомый голос.

— Я не могу сказать. В прошлый раз они меня за это почти убили, — обречённо ответил Витя. — Пожалуйста, не говорите никому! — взмолился он.

— Вить, рано или поздно тебя отлупят так, что ты либо умрёшь, либо останешься инвалидом. Ты говорил родителям? Почему они не реагируют? Они вообще знают, что тебе плохо? — с искренним переживанием спросил дядя Юра.

— Дядя Юра, всё нормально. Я разберусь. - С обидой произнёс Витя.

— Что «нормально», а? Ты совсем дурак? Они ведь самые настоящие шакалы. Как долго это продолжается? Скажи, Витя, из-за чего они прицепились именно к тебе? — не унимался дядя Юра.

Витя протёр глаза и увидел покрытое щетиной лицо самого настоящего атлета. Дядя Юра выглядел для Вити как оживший рисунок Зевса из книги по истории. Витя уважал его за силу и любил за доброту. Дядя Юра был единственным взрослым, кто не игнорировал его и не травил. А ещё дядя Юра мог рассказать ему интересные истории про войну в горах.

Иногда, рассказывая такую историю, дядя Юра замирал. Глаза становились пустыми, безжизненными, как у манекена. После такого ступора он резко трогал место, где стояла металлическая пластина, выругивался, и всё возвращалось на круги своя.

Дядя Юра очень любил Витю. И Витя не понимал почему. Только спустя годы он узнал правду.

— Не знаю. Наверное, я им просто не нравлюсь, — попытался соврать Витя.

— Ты кому врать решил, щенок? — серьёзно спросил дядя Юра.

Витя посмотрел на обеспокоенное лицо охранника, опустил взгляд и увидел, что вся его школьная форма порвана и сильно испачкана. Мама его убьёт.

Это стало последней каплей.

Витя заплакал. Не громко, а тихо, изредка поскуливая. Ему надоела такая жизнь, а другой он не видел.

Дядя Юра достал из кармана куртки платок, вытер Витины слёзы, а затем аккуратно протёр лицо от крови и слюней.

— Вить, ты это, успокойся. Плохое случается, но руки опускать не нужно. Ты ведь помнишь мою историю про засаду?

— Помню, Дядь Юр, — сквозь всхлипы ответил Витя.

— Тогда мне казалось, что всё, это конец. Для многих это концом и стало. А ты, Вить, ещё молодой. Подрастёшь немного, натренируешься и выцепишь этих гадов по одиночке. Да я сам тебя научу драться!

Витя вытер слёзы и спросил:

— Правда научите? — умоляюще произнёс он.

— Да я тебе хоть когда-то врал? Научу всему, чему меня учили и чему сам научился. Одного-двух самых горлопанистых выстегнешь как следует, а там все уже начнут бояться.

Витя на секунду представил мир, где люди его сторонятся и совсем не трогают. От этой мысли стало так хорошо, что улыбка невольно проступила на бледном лице.

— Я обязательно вырасту, Дядь Юр, и стану самым сильным!

Дядя Юра улыбнулся.

— Знаешь, что бы там у тебя в семье ни было, ты вырастешь. У самого семья появится. Хорошая. Где все друг друга будут любить. Не позволяй плохим людям ломать твою жизнь. Усёк?

Витя удовлетворённо кивнул.

— Отлично. А теперь пойдём в мою каптёрку, умоешься там и в порядок себя приведёшь. И кстати, а что ты делал тут, на крыше?

Витя отвёл взгляд. Он боялся сказать правду. Тем более единственному человеку, который заботился о нём.

— Вышел посмотреть на город. Дверь не заперта была, а за мной эти увязались, — соврал Витя.

Дядя Юра ничего не стал отвечать. Он посмотрел на край крыши, затем на Витю, грустно вздохнул и потрепал рукой его по голове.

— Пойдём, сынок. Тебе ещё на уроки нужно успеть.

Дядя Юра поднял его рюкзак и они спустились на пятый этаж. Витя увидел дверь учительской и машинально отвернулся. Сердце забилося, как у загнанной птицы. Дядя Юра всё заметил. Он молча обошёл Витю и встал между ним и учительской.

Витя никогда не говорил ему о причинах своей ненависти к учительнице истории и страха перед ней. Но дядя Юра и так всё знал. Наверное, все знали.

Они шли молча и вскоре дошли до каптёрки.

— Иди, Вить. Полотенце на стене, чистое. Вытрись им. Если нужно что-то типа мочалки — на сушилке моя старая майка висит, возьми. Мыло на умывальнике. Ты это... голодный небось?

— Нет, дядь Юр. Утром у мамы хлеба с молоком поел.

— Ну, как хочешь. Мне брат с Краснодара сало подогнал. Могу угостить.

— Спасибо, дядь Юр. Я вправду не голодный, — снова соврал Витя.

— Ладно, малой. Бог с тобой. Иди умывайся, скоро закончится большая перемена.

Витя тщательно вычистил форму, вымыл голову от крови и вытерся полотенцем. Он посмотрел в зеркало и понял: шрамов прибавится. На секунду в зеркале он увидел не себя, а какого-то заросшего мужчину с безумным взглядом. Сальные волосы ниспадали до плеч. Шрамы были как у Вити.

Прежде чем он успел закричать, наваждение пропало. Витя протёр глаза.

— Видимо, меня ударили по голове чуть больше, чем стоило бы.

— Витя, бляха-муха, ты долго там намываться будешь? — раздался сердитый голос дяди Юры.

Витя пулей выскочил из каптёрки. Дядя Юра стоял с его портфелем в руках.

— На, держи. Ты что, звонок не слышал? Беги на уроки, да учись усердно, а то будешь всяких шалопаев в школе сторожить.

Витя ничего не сказал. Подбежал к дяде Юре, обнял его, забрал портфель и побежал на урок.

Пока Витя бежал, он почувствовал, что вес портфеля изменился. Это его озадачило. Витя подумал, что бывшие друзья подкинули какую-то гадость. Это разозлило.

Он подошёл ко входу школы, остановился и снял портфель. Живо его открыв, Витя чуть не заплакал. Внутри, аккуратно сложенные в пакет, лежали десяток бутербродов с салом и луком.

— Спасибо, дядя Юра! — с детским восторгом произнёс Витя.

— Не за что, сынок, — раздался голос возле входной двери.

Витя вздрогнул и медленно повернул голову ко входу.

Он увидел дядю Юру. Тот был весь в крови. В сжатой до предела руке он держал резиновую дубинку. С неё стекала кровь.

— Дядя Юра? — выдавил из себя Витя.

Дядя Юра молчал. Но бешеные глаза смотрели на Витю. Сквозь него.

— Дядя Юра? — снова позвал Витя.

Охранник ринулся на него, замахиваясь для смертельного удара. Витя от страха не мог сдвинуться с места. И прежде чем дубинка опустилась ему на голову, он очнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.